

«КОЛОНИЗАЦИЯ НАОБОРОТ» ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Alexander Pershai

Revisiting the Concept of “Colonization Vice Versa”: On the Disciplinary Struggles of Post-Soviet Gender Linguistics

The essay analyses specificities in post-Soviet Gender Linguistics. The author revisits the concept of “Colonization Vice Versa” that he introduced in 2002 to describe the development of Gender Linguistics in the early 2000s. The article argues that the development of gender and language research in the former USSR was related to the disciplinary authority of Linguistics that resisted Gender Studies which represented “foreign” Western knowledge. Therefore, gender and language research in post-Soviet states took a hybrid form: it utilised gender terminology, but reproduced patriarchal hegemonies in linguistic research. Post-Soviet Gender Linguistics depoliticized the concept of gender and divorced it from its potential for social change.

Keywords: gender, gender linguistics, post-Soviet academia, transformations of academia, symbolic capital.

Гендерные исследования в бывшем СССР – это не просто область исследований, это – академическое событие, которое, как лакмусовая бумага, показывает скрытую динамику производства знания в условиях трансформации постсоветской академии. Гендерные исследования в постсоветской лингвистике – достаточно своеобразная исследовательская область. С одной стороны, она ставит целью изучать гендерную проблематику, выраженную в языке, с другой стороны, гендер понимается как маркер биологического пола на социокультурном уровне и в большинстве случаев просто описывает языковые признаки и репрезентации женщин или мужчин.

То есть происходит смысловой разрыв между исходными концепциями «западной» гендерной лингвистики, которые видят язык и гендер в качестве катализаторов социальной стратификации, и «локальными» интерпретациями гендерных теорий и методологий в постсоветской гендерной лингвистике. Эта статья является попыткой осмыслить свой опыт работы в данной области знания и, скорее, относится к аналитической эссеистике, чем к научному исследованию. Но поскольку дисциплинарная критика в постсоветской гендерной лингвистике встречается крайне редко, то необходимо этот опыт обозначить: что значит исследовать гендер в языке? Меня интересует, почему категория *гендер*, которая лежит в основе социального разделения и с помощью языковых средств контролирует воспроизводство патриархатной социальной структуры, в постсоветском языкознании сводится к разным формам сравнения или противопоставления «мужских» и «женских» языковых единиц. Какие лингвистические (и не только) механизмы обуславливают ход языковедческого анализа именно в этом ключе?

Анализировать особенности развития постсоветской гендерной лингвистики я начал в 2002 г. в статье «Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР» (Першай 2002а). Тот текст писался «на баррикадах», т.е. в процессе обсуждения и защиты моей кандидатской диссертации по теме «Репрезентация гендерных отношений во фразеологии», проходившей по специальности «Теория языка» (Першай 2002b). Во многом статья, опубликованная в 2002 г., являлась реакцией на сложность и многосторонность ситуации в гендерной лингвистике и, шире, в гуманитарных науках на тот момент. Эта «непростота», если использовать термин Н. Пушкаревой (Пушкарева 2006), включала в себя новизну темы, терминологическую путаницу, неприятие «незнакомого» термина *гендер* и академический снобизм по поводу феминизма и гендерных исследований, а также давление – включить или убрать из диссертации определенные главы.

Текст, написанный в 2002 г., во многом отражал «эмоцию», это был своего рода манифест. Я пытался выразить невозможность полноценно исследовать взаимосвязи гендера и языка в условиях, когда вроде как «ведущая» категория анализа – гендер – чаще понималась в качестве лингвистического маркера «по признаку пола». Причем, как я теперь понимаю, стилистика статьи «Колонизация наоборот» может рассматриваться в качестве примера проговаривания травмы отсутствия «своего» научного языка, который позволил бы говорить о языке «через призму гендера» с учетом социальных иерархий и механизмов распределения власти. Также теперь заметно, что в указанном тексте не задействован анализ социальных институтов. То есть интуитивно я понимал, что редуцированная трактовка понятия *гендер* существует не сама по себе, а является следствием борьбы между двумя системами знания – постсоветской лингвистики, устоявшейся и признанной дисциплины, и гендерной лингвистики, «чу-

жого» и непонятного знания. Но на тот момент я не мог проследить внутреннюю динамику работы лингвистики как социального института, чтобы понять, как осуществляется легитимация научного знания в этой области и какую роль во всем этом играет академическое сообщество, научные советы и т.д. Я не до конца связывал производство «усеченной» и деполитизированной интерпретации гендера с институтом академии и чувством дисциплинарной принадлежности постсоветских ученых. С тех пор прошло достаточное количество времени, чтобы еще раз осмыслить внутреннюю динамику гендерной лингвистики как научной дисциплины.

Гендерные исследования: некоторые общие замечания

Гендерные исследования в 1990-х гг. стали частью общего процесса реформирования постсоветской академии. С одной стороны, они позволили писать «по-новому» и о культуре, языке, обществе, истории и политике. С другой – принадлежность к гендерным исследованиям предоставляла возможность новой академической мобильности, позволившей стать частью международного научного сообщества и получать грантовую поддержку. Сочетания таких факторов, как поиски себя и своего исследовательского «языка», признанность и востребованность гендерной проблематики на Западе и, что немаловажно, среди демократически настроенных доноров, а также неприятие гендерных исследований традиционными дисциплинами, порождало и продолжает порождать достаточно своеобразные формы работы с понятием *гендер* (см., например: Гапова 2007).

В этом контексте важно подчеркнуть, что, как бы исследователь_ницы себя ни позиционировали по отношению к гендерным исследованиям, эта научная область всегда останется импортированной, «чужой» формой знания. Как отмечает Е. Гапова:

«Гендерная теория представляет собой западное знание, независимо от того, кто его производит: американские исследователи, ученые из постколониальных стран или постсоветские феминистки. Дело не только в том, что это знание рождено и разработано западной академической средой и теоретической мыслью и, описывая “незападный” опыт, исследователи, тем не менее, исходят из “западных” концептов» (Гапова 2010: 75).

Возникает вопрос, насколько постсоветские исследователь_ницы это понимают и учитывают тот факт, что в своей «родной» западной парадигме гендерный анализ является катализатором социальных и политических общественных изменений, иначе теряется суть гендера как категории анализа.

Гендерные исследования не являются гомогенной областью исследований, а «дробятся» в зависимости от дисциплин, в рамках которых они осмысливаются, поэтому сложно подобрать тождественные или схожие схемы исследований гендера в разных дисциплинах или интердисциплинарных сочетаниях. Например, как отмечает И. Савкина, «когда в русском контексте обсуждается гендерная проблематика в экономике, праве или экологии и пр., в этих полемиках возникают свои специфические конфликты и источники раздражения» в противовес их обсуждению в литературоведении, культурологии и искусствоведении (Савкина 2007). И это верно, поскольку гуманитарные и социальные науки опираются на разные «логики», которые часто несовместимы. Под логикой я понимаю некую схему или «гегемонию» в вольной трактовке Грамши (см., например: Gramsci 1971: 175–185), которая, на самом деле, является системой доминирования одной академической группы над другой посредством взаимосвязей, которые действуют на уровне общепринятых, «рутинных» культурных практик и установок, легитимизирующих наличные формы научной и дисциплинарной стратификации. Такие рутинные практики и установки всем хорошо знакомы в качестве целей, задач, методов и традиций исследований, которые определены и контролируются какой-либо дисциплиной, а также определяют «качество» исследования.

Именно вопросы качества являются ключом к пониманию проблем институционализации и автономизации гендерных исследований в бывшем СССР. Причем, как верно замечает Е. Гапова, вопрос качества гендерных исследований – это не инструмент исключения из дискурса гендерных исследований таких групп, как гражданские активист_ки или исследователь_ницы, занимающиеся феминистской или гендерологией. Этим специалист_кам есть что сказать, но говорят и пишут они для другой аудитории и ставят иные задачи, поэтому для них «женская тема» как таковая может быть достаточной для качественного исследования (Гапова 2007: 145–148). Для гендерных исследований в академии, выражаясь словами С. Ушакина, это – проблема «полезности» категории гендера: зачем использовать термин и сопутствующую систему дискурсивных отношений, если в некоторых случаях гендер выполняет тавтологичные функции русскоязычных терминов и часто неприложим к исследовательским схемам на постсоветском пространстве (Ушакин 2007: 189–195)? Такая ситуация говорит о снижении интеллектуального и критического потенциала категории *гендер*, которая, возможно, в других обстоятельствах послужила бы импульсом к осмыслению существующей социальной динамики именно через категории неравенства, власти и нормативности. На это пытаются обратить внимание в своем анализе постсоветских гендерных исследований Т. Барчунова (Barchunova 2003), Е. Гапова (2007), Е. Здравомыслова и А. Темкина (2006; Temkina, Zdravomyslova 2003), Н. Пушкарёва (2006), С. Ушакин (2007: 180–195) и др.

Отмечу, что гендерные исследования в той или иной форме рассматривают отношения между людьми, т.е. всегда задействована социальная структура, вне которой «гендерные» признаки, стереотипы, модели поведения и др. не всегда имеют смысл. Если говорить конкретно о лингвистике, то можно задаться вопросом, насколько полезны разного рода классификации или компаративный анализ гендерно маркированных морфем, паремий, модальности, синтаксической структуры и т.д., без объяснения того, что на самом деле обозначают гендерные характеристики помимо «мужских» и «женских» признаков или номинаций. Грубо говоря, зачем они нужны в языке? Говорим ли мы чисто о языке и его единицах или о социальных нормах в конкретном обществе? И возможно ли полноценно анализировать гендерные отношения в языке без учета социального неравенства полов? Задавая эти вопросы, я пытаюсь понять, есть ли грань между чисто «языковыми» и «гендерными» исследованиями в лингвистике и надо ли эту грань проводить? Последний вопрос напрямую связан с качеством исследования и является одной из причин написания этой статьи.

Качество гендерных исследований для меня определяется тем, насколько та или иная работа вскрывает социальную механику и распределение властных отношений, принимая во внимание не только «пол», но и те пласты языка и социальные ткани, в которых гендерные отношения (вос-)производятся, легитимируются, функционируют, контролируются и т.д. Например, зачем какой-то личностный признак приобретает «гендерную» окраску и закрепляется в языковой системе в этом качестве? Или почему определенная синтаксическая форма воспринимается как мужская или женская – что этим достигается на уровне коммуникативного акта или художественного текста? Для меня важна методологическая оправданность использования гендерной терминологии, т.е. не просто использование в работе слов *гендер* и *гендерный*, но анализ языковых механизмов и лингвистических аспектов социальных практик, где гендер действует. С этих позиций я анализирую развитие постсоветской гендерной лингвистики.

Можно возразить, что прежде всего качество гендерных исследований определяется их профессионализмом и научной валидностью. Именно об этом и идет речь: профессиональная подготовка, в частности знание гендерной теории и теории гендерной лингвистики, а также ее совмещение с различными лингвистическими методологиями – важные показатели качества исследования. Однако в постсоветских странах знание западной гендерной лингвистики само по себе не задает критерии валидности лингвистического исследования, эту функцию выполняет академия как социальный институт, которая в лице ВАКа, государственных комиссий, рецензентов, оппонентов и т.д. определяет, что считать научным и ненаучным. То есть исследования в гендерной лингвистике не сводятся к уровню подготовки отдельных специалистов в области гендерной теории, а являются частью большего контекста, в рамках которого производится знание о взаимосвязях языка и гендера. Об особенностях этого процесса речь пойдет ниже.

Гендерное по форме, лингвистическое по содержанию

В лингвистике термин *гендер* стал активно употребляться в конце 1990-х гг., однако это не значит, что до того проблематика пола не принималась во внимание. Скорее, пол воспринимался как некая «непроблематизированная» данность, позволяющая идентифицировать индивидов как мужчин и женщин и, следуя этому критерию, ассоциировать определенные номинации и культурные концепты, на основании которых выстраивалась определенная картина мира. Например, языковую репрезентацию пола и ее генезис, реконструированный посредством анализа ритуалов, обрядовости и культурной семантики исследовали Н.И. Толстой (1995b), а также представители Московско-Тартуской семиотической школы Ю.М. Лотман (1996), Т.В. Цивьян (1990) и др. Некоторые исследования были посвящены морфологической специфике мужской и женской номинации (см.: Паўленка 1978; Толстой 1995а), а также особенностям культурной концептуализации мужественности и женственности, например труды таких лингвистов, как В.Н. Телия (1996: 214–269), В.А. Маслова (2001: 121–131), Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова (1993) и др. Однако пол в большинстве исследований рассматривался как категория, «восприятие которой практически не зависит от языка и культуры» (Кронгауз 1996: 510). Пол распознавался как «естественная» категория, в основе которой лежали *биологические*, а не *гендерные* различия – пол лишь маркировал мужчин и женщин как две различные и «нейтральные» группы людей, оставляя за кадром отношения власти, социальную стратификацию и перформативность гендера как социального пола.

«Гендерное беспокойство», охватившее постсоветскую гуманитаристику в конце 1990-х гг., дало толчок новому направлению исследований, которое получило название *гендерной лингвистики* или *лингвистической гендерологии*. Часто эти термины до сих пор используются как взаимозаменяемые (см., например: Коваль 2007: 5). Е. Малахова обратила внимание на попытки разделять эти направления в зависимости от того, от какого корня, *-гендер-* или *-лингв-*, производилось существительное и прилагательное, что определяло приоритеты исследования: «Гендерная лингвистика определялась как направление лингвистики, которое сосредоточено на исследовании языка в гендерном аспекте, а под лингвистической гендерологией имелись в виду гендерные исследования, в целом рассматривавшие язык как инструмент или один из способов отображения гендера» (Малахова 2015: 35). Вопрос в том, несут ли научные направления «гендерная лингвистика» и «лингвистическая гендерология» равнозначную символическую нагрузку. Имеют ли они одинаковый научный статус, престиж и возможность стать разделом полноценной научной дисциплины? С этой точки зрения приоритет чаще получает гендерная лингвистика, поскольку она пытается вписаться в уже разработанную и признанную дисциплину – языкознание. О том, на каких условиях это происходит, речь пойдет ниже.

На волне популярности гендерных исследований многие лингвист_ки начали писать о языке «через призму гендера», хотя тогда, как и сейчас, мало кто объяснял_а, что именно использование этого подхода предполагает. «Своего» гендерного материала в постсоветском языковедении на тот момент не было, да и работы, написанные известными «отечественными» лингвист_ками, не узнавались в качестве гендерной лингвистики – это была западная дисциплина, принадлежность к которой давала определенные статусные преимущества. Поэтому лингвист_кам нужно было опираться на «чужие» теоретические разработки. Кто на каком языке говорил, тот ту часть западной парадигмы и подключал, хотя, разумеется, англоязычная традиция в гендерной лингвистике отличается от немецкоязычной, испаноязычной и т.д., но эти «локальные» различия терялись на фоне «общего» внедрения нового на тот момент направления в языкознании. Проблемы возникали с доступностью зарубежных исследований по гендерной лингвистике, так как весьма ограниченное количество этих изданий было представлено в библиотеках бывшего СССР. Возможность прочитать основной корпус работ по гендерной лингвистике, включая как классические, так и новейшие разработки, была лишь у тех, кто мог стажироваться в западных библиотеках, остальные читали переводы и своими силами составляли общую картину научного поля по имеющимся отрывкам. Переводы основных теоретических работ осуществлялись с опозданием на 10–15 лет, причем выбор текста для перевода, как правило, был обусловлен его известностью, а не значимостью и актуальностью. Многие книги и статьи получили распространение, потому что их разбирали во время обучения в летних школах, что не всегда давало объективную картину развития гендерной лингвистики. Разумеется, я отмечаю эту особенность не в упрек постсоветским лингвист_кам, так как по объективным причинам получить базовую квалификацию по гендерной лингвистике была возможность у очень немногих.

Приходилось работать с теми материалами, которые были доступны. В результате постсоветские лингвист_ки, разрабатывавшие проблематику пола/гендера в языке, одновременно прочли «Язык и место женщины» Р. Лакофф, «Язык, сделанный мужчиной» Д. Спендер и «Ты меня не понимаешь» Д. Тэннен (Lakoff 1975; Spender 1980; Tannen 1990). Эти хрестоматийные работы возникли в разное время и предлагали три разные модели исследования гендера в языке (женской дефицитности, мужского превосходства и разницы гендерных культур), относительно плавно сменившие друг друга на Западе (см.: Cameron 1995). В оригинале эти теории спорят друг с другом, предлагая новое прочтение взаимосвязей гендера и языка, а в условиях трансформации постсоветской академии они были искусственно объединены в общую «базу» гендерной лингвистики. Кстати сказать, о существовании работы Р. Лакофф «Язык и место женщины» знали в советской лингвистике, о чем свидетельствует статья В.М. Алпатова «Женский язык» в энциклопедическом словаре «Языкознание» (см: Алпатов 1998 и пред-

шествующие издания). Другой вопрос, почему идеи Р. Лакоффа, столь значимые для развития западной гендерной лингвистики, оказались не востребованными профессиональным языковедческим сообществом в нашей части света до конца 1990-х гг. В итоге сложилось какое-то общее понимание того, о чем должна идти речь в исследовании «гендерной проблематики в языке», что, скорее, является жанром, а не предметом исследования (см.: Першай 2014: 18–28). Справедливости ради надо сказать, что я отнюдь не идеализирую англоязычную школу гендерной лингвистики: она полна внутренних противоречий, дебатов и весьма разносторонне акцентирует взаимосвязи языка и гендера. Но при всем этом в большинстве случаев гендер понимается как катализатор социальных иерархий, а не «пассивный» маркер пола (см., например: Gal 1991; Bergvall, Bing, Freed, eds. 1996; Cameron 1992; Cameron, ed. 1998; др.).

В условиях, когда «тема» востребована, а возможности полноценно разработать представленные ею концепты нет, постсоветская гендерная лингвистика изобретала гибридные формы – лингвистические по содержанию, но использующие терминологический аппарат гендерных исследований, что по сути развивает области традиционного языкознания. Отмечу, что когда я рассматриваю «поле», то обращаю внимание прежде всего на его «периферию», т.е. в этом контексте я анализирую исследования, проведенные не в «стужках» интеллектуального движения, где больше ресурсов и социальной мобильности, а вдали от этого. Такой выбор обоснован тем, что на периферии производство – новых? «своих»? – значений и практик происходит более интенсивно. Как об этом писал один из основателей Тартуской семиотической школы Ю. Лотман: «граница имеет и другую функцию в семиосфере: она – область ускоренных семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культурной ойкумены, чтобы оттуда устремиться в ядерные структуры и вытеснить их» (Лотман 1992: 15). Поэтому гораздо интереснее анализировать не труды основоположателей в какой-то области, а те работы, в которых знание ведущих исследователей_ниц уже «переварено» их коллегами вдали от «центра». Кстати, для гендерной лингвистики такое «переваривание» идей будет двойным, а иногда и тройным, поскольку гендерная лингвистика – это заимствованная дисциплина, и ведущие гендерные лингвист_ки в бывшем СССР также артикулируют западное знание.

Рассмотрим, например, материалы к спецкурсу «Введение в лингвистическую гендерологию», разработанные Л.Н. Синельниковой и Г.Ю. Богданович и опубликованные в Симферополе в 2001 г. Авторки отмечают, что гендер – «социальный пол, синтезирующий культурное и биологическое в человеке» (с. 4). Они также подчеркивают:

«Хотелось бы осознать гендерную проблематику в условиях родной культуры и языка, найти способы адекватного описания гендерных признаков,

закрепленных в языковой системе, речи мужчин и женщин... Принимая в качестве исходной идеи о том, что мужчины и женщины непримиримы, исследователь вступает в феминистский дискурс, акцентирует внимание на дискриминации женщин. При полном понимании важности этой проблемы авторам предлагаемых материалов ближе идея гармонизации отношений между мужчиной и женщиной через понимание факта одаренности пола как высшего замысла» (с. 5).

Далее авторки отмечают:

«Если языковая картина мира – это зафиксированное в языковых знаках и проявленное в формах речевой деятельности (текстах, дискурсах) языковое сознание, то гендерные признаки – это сущностные проявления познания мира сквозь призму мужского и женского сознания, выявляющие особенности номинативной и коммуникативной деятельности мужчин и женщин, определяемые полом особенности речевой деятельности и речевого поведения» (с. 8).

Этот пример интересен тем, что для теоретического обоснования работы авторки активно используют «гендерную» терминологию, отмечая социальный характер гендера, упоминают дискриминацию по признаку пола в языке (что можно считать своеобразной трактовкой концепции женской дефицитности), а также – в рамках одного проекта – отсылают к мужскому и женскому вариантам языка (что является отголоском концепции разницы гендерных культур). Примечателен вывод авторок из этого концептуального попури: акцент ставится на нейтрализации языка и стремлении гармонизировать отношения между полами. То есть критический потенциал упомянутых «гендерных» концептов не только не объясняется и/или привлекается, а наоборот, гендерная терминология используется для воссоздания патриархатных мифов.

Такая концептуальная «гибридность» ярко проявляется и в узконаправленных работах. Например, исследование лингвистики из г. Гродно И. Кавинкиной ставит задачей продемонстрировать «гендерную дифференциацию лингвокреативного мышления носителей русского языка» и рассматривает «семантическое наполнение концептов “девочка” и “мальчик” с позиций гендерного дисплея, т.е. на основе ассоциаций, возникающих у женщин и мужчин – носителей русского языка» (Кавинкина 2003: 176; курсив мой. – А.П.). В этом исследовании мужчины и женщины выступают как два разных и уже сформированных класса существ, где подтверждение разницы между ними является результатом исследования, ср.:

«Оценка как проявление субъективного отношения к стимулу и, конечно же, стоящей за ним реальности в той или иной мере присутствует во всех разновидностях ответов, в которых мы усматриваем проявление языкового сознания женщин и мужчин. У реципиентов женского пола преобладает положительная оценочность концепта “девушка” (*моя дорогая, гордость*). У мужчин наряду с положительной оценочностью (*огого, умница*) были выделены и реакции с отрицательной оценочностью (*вредная*). Концепт “мальчик” у информантов обоих полов отмечен не только знаком “+”, но и негативно (9 реакций у женщин: *плохой, задира, хулиган, драчун*; 3 реакции у мужчин: *проблема, злодей, озорник*)» (Кавинкина 2003: 179).

В таких гибридных исследованиях материал, который описывает языковую представленность или речевое поведение женщин и мужчин, декларируется как *гендерный* и анализируется таким образом, чтобы обозначить языковую разницу мужчин и женщин. Происходит редукция понятия *гендер*: он воспринимается как «социальный» маркер биологического пола, который разделяет людей на мужчин и женщин и на основе этого разделения приписывает им разного рода качества. Гендер как категория анализа вытесняется из исследования описанием и систематизацией языковых единиц, например лексемами, словоформами, интонационными конструкциями, ассоциациями и пр., которые описывают пол или порождаются представителями определенного пола. Если перефразировать название знаковой работы Р. Лакофф, в постсоветской гендерной лингвистике язык занимает место женщины (Lakoff 1975). Проблема кроется в разрыве между заимствованной гендерной теорией в лингвистике и «местными» результатами исследования: постсоветская гендерная лингвистика хоть и использует гендерный терминологический аппарат, но производит работы дескриптивного характера, которые полностью лишены того критического потенциала, который на Западе катализировал новое видение языка как репрессивной и андроцентричной, т.е. гендерно маркированной, структуры. В таких исследованиях игнорируются отношения власти, а гендер сводится к разнице между полами, причем эта разница воспринимается как нечто само собой разумеющееся и никак не проблематизируется. Используя широко известное выражение Д. Камерон, ведущей феминистской лингвистки из Великобритании, ученые «должны принимать во внимание, что гендер – это и есть исследовательская проблема, но никак не ее решение» (Cameron 1995: 42). К сожалению, для многих постсоветских языковедов гендер был и остается именно решением проблемы (Pershai 2005).

В 2002 г. я назвал эту динамику «колонизацией наоборот», когда ресурсы, на первый взгляд, «сильной» стороны используются «слабой» стороной по своему усмотрению (Першай 2002а). На системном уровне отношения постсоветского языкознания и западной гендерной лингвистики можно сравнить с процессом колонизации. В начале 1990-х гуманитаристика в том виде, в котором она су-

ществовала в СССР, оказалась невостребованной. У постсоветской академии не было ресурсов, чтобы производить своевременный и конкурентоспособный научный продукт. Гендерные исследования же в то время были не просто актуальной областью исследований, они были приоритетным сектором демократических реформ и гражданского образования, что было подкреплено финансовой и институциональной поддержкой. Вроде бы как более «сильные» и активно продвигаемые западные гендерные исследования должны были поглотить и задать интеллектуальный тон в бывшем СССР, однако этого не произошло (см.: Гапова 2010; Здравомыслова, Темкина 2006; др.). Например, постсоветская лингвистика оказалась достаточно сильной, чтобы сопротивляться новому западному знанию, и в то же время достаточно гибкой, чтобы использовать новые ресурсы для развития своих традиционных областей. Пятнадцать лет назад я остановился на констатации этого концептуального и смыслового диссонанса, теперь же хочу рассмотреть, почему так происходит.

Деполитизация «чужого» знания и символический капитал лингвистики

Эдвард Саид в своей знаковой книге «Ориентализм» обращает внимание на то, что авторитет «источника» имеет ключевое значение в процессе производства и легитимизации знания. Есть знание легитимное, научное, правильное, а значит, нейтральное, а есть знание «чужое» – непроверенное, недостоверное, а главное, *политизированное*, т.е. которому нельзя доверять (Said 1984: 19–20). Именно авторитет академического знания определяет собой специфику развития постсоветской гендерной лингвистики. Гендерная тематика – это чужое знание, нагруженное своей «левой» идеологией, но оно предоставляло ресурсы. Языкознание, наоборот, постоянно подчеркивало не политический, а нейтральный характер языка. Но поскольку была потребность говорить о гендере, то были задействованы уже привычные формы лингвистического описания пола на условиях, что производить гендерное знание о языке необходимо в рамках лингвистики. Приоритет лингвистической традиции подчеркивается, например, в работах ведущей московской лингвистики А.В. Кирилиной:

«Исследованию гендерного аспекта соответствующих языковых сущностей предшествует их анализ как единиц языка. Для изучения гендерных аспектов языка и коммуникации применяются лингвистические методы. Поскольку лингвистика включает разнообразные отрасли (психолингвистику, социолингвистику, лингвокультурологию и т.д.), используются методы этих направлений [...] Работая в языковедческом научном поле, ученые применяют главным образом методы анализа, разработанные для лингвистических исследований, пользуясь, однако, и данными других научных дис-

циплин – как близкородственных (психолингвистики, социолингвистики и др.), так и других гуманитарных наук (психологии, социологии, истории, литературоведения и т.д.)» (Кирилина 2003).

Однако такому выстраиванию исследовательской траектории «мешает» политический потенциал гендерных исследований, т.е. то, что изначально давало толчок развитию этой дисциплины. Речь идет о борьбе за *social change*, о тех социальных изменениях, которые приходят с политическим в широком смысле признанием равных прав всех полов и гендерных идентичностей, признанием дискриминации в отношении женщин и других маргинализированных гендерных идентичностей. Для западной гендерной лингвистики именно политическо-социальная нагруженность позволила показать, что язык андроцентричен – ориентирован на мужчину – и обслуживает общество, в котором мужчина признается социальной нормой, а женщина невидима или ущербна, равно как и остальные неконвенциональные гендеры. В бывшем СССР политизированность гендерных исследований оценивалась отрицательно и приписывалась радикальному феминизму, что позволяло подчеркнуть «ненаучность» этой позиции. Например, в 2000 г. об этом так писали Д.О. Добровольский и А.В. Кирилина:

«Не отрицая того, что феминизм является реальностью и имеет право на существование, как и любая другая идеология, следует все же сделать два важных замечания: исследователям, имеющим опыт жизни в СССР, весьма хорошо известно, какие ограничения накладывала на свободу научного поиска марксистская идеология, поэтому нет никаких оснований утверждать, что любая другая идеология (в том числе феминистская) скажется на развитии науки более благотворно, чем марксизм-ленинизм» (Добровольский, Кирилина 2000: 21).

Похожую позицию занимает лингвист В.И. Коваль из Гомельского государственного университета; он признает присутствие гендера в языковой системе, но при этом языковед полностью исключает ту традицию, в рамках которой было разработано понятие *гендер*, являющееся объектом его исследования:

«...с точки зрения гендерной лингвистики язык как система и речь как реализация языка наделяются “гендерными параметрами”. Ошибочным при этом было бы впасть в крайность и полагать, к примеру, что язык “закрепляет” дискриминацию женщин или что существует специфический “женский язык” или “мужской язык” как самостоятельные коммуникативные системы. В языке, объективно отображающем реальную действительность, представлены сложившиеся на протяжении многих веков устойчивые сте-

реотипы, поэтому язык в принципе не может “дискриминировать” или, напротив, “возвышать” кого-либо» (Коваль 2007: 6).

Хотя, по большому счету, если язык отражает реальность, а реальность – это патриархатное общество, то каждая гендерно маркированная номинация как раз таки «возвышает» или «дискриминирует» своего объекта в зависимости от ее или его соответствия гендерной норме. Сами же носитель_ницы языка могут воспринимать такую имплицитную гендерную семантику в качестве «здорового смысла». Но суть проблемы здесь не в том, что лингвист_ки не видят или не вовлекают эти связи; в этом контексте важнее обозначить другой процесс, который происходит на институциональном уровне. Подчеркивая политическую ангажированность гендерной теории и нейтральность языка, постсоветские лингвист_ки «проговаривают» те условия, на которых можно включить гендерный материал в лингвистическое исследование. Поэтому «отцензурированная» гендерная проблематика в лингвистическом контексте подчеркнуто носит *не политический*, а чисто *языковой* характер. То есть производится то «научное» знание, которому можно «доверять». Например, вот как об этом пишет беларусская исследовательница Т. Артишевская, ссылаясь на работу А.В. Кирилиной (2000):

«Термин *сексизм* возник в период наиболее активной феминистской критики языка и обозначает структуры языка, отражающие дискриминацию по признаку пола: язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен – в нем зафиксирована, главным образом, мужская перспектива, мужская субъектность, мужская картина мира, а женщинам отводится второстепенная маргинальная роль и статус объекта. На наш взгляд, применение понятия *сексизм* в научном описании может быть заменено более нейтральным термином *гендерная асимметрия*, под которым подразумеваются особенности отражения в языке лиц мужского и женского пола, полоролевых стереотипов и т.д., так как понятие *сексизм* предполагает как бы намеренную дискриминацию, в то время как намерение – и тем более злое – у языка, разумеется, отсутствует» (Артишевская 2003: 366).

Замена терминов в приведенной цитате хорошо иллюстрирует смысловой «сдвиг» с проблемы гендерной дискриминации в языке на нейтральное описание мужских и женских признаков и стереотипов. А раз нет проблемы дискриминации по признаку пола, то незачем смотреть на социальные связи и говорить о неравенстве полов, определяющих использование гендерно маркированных единиц. Другими словами, игнорируется тот интеллектуальный импульс, который в свое время дал толчок к осмыслению роли языка в формировании и ретранслировании патриархатных структур.

В этом контексте важен еще один момент: в восточноевропейской филологии существует «аксиоматическое», т.е. не требующее объяснений, восприятие языка как нейтральной, но в то же время гибкой, всеохватывающей и всепоглощающей структуры. С одной стороны, язык всегда идет в ногу со временем, меняется, отражает картину мира и сохраняет на имплицитном уровне следы ушедших культур. С другой стороны, все эти процессы происходят нейтрально, сами собой, поскольку язык собственных целей не имеет. При таком подходе просто не возникает вопрос, почему какое-то слово закрепилось, а какое-то устарело и вышло из обращения или почему какой-то ритуал потерян, а его фрагмент «считывается» носителем языка спустя многие поколения и т.д.? Но вопросы о нейтральности языка начинают возникать с привлечением гендерной теории, которая выростала из другой философской традиции. Например, французские мыслители-постструктуралисты, такие как Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида и др., анализировали влияние языка на мышление и поведение человека, на возможность говорить и быть услышанным, наличие «нужных» языковых средств, а также на способность различать и «производить» смыслы, важные в рамках какой-то социальной формации. Их работы сильно повлияли на формирование дисциплины гендерных исследований, равно как на развитие западной гуманитаристики в целом (см., например: Барт 1994; Фуко 1996; Деррида 2000 и др.). Интересно, что многих из них не считают лингвистами или филологами, хотя исследуют эти авторы именно язык.

Если же говорить о гендерной лингвистике в частности, то знаковая работа Д. Спендер «Язык, созданный мужчиной» (в некоторых переводах «Мужчина создал язык») во многом является полемикой с американским лингвистом Д. Болинджером, который в 1960-е гг. задал вопрос о том, насколько язык говорит своим носителям правду? Другими словами, можно ли рассматривать язык в качестве не нейтральной, а репрессивной и манипулятивной структуры (см.: Spender 1980; Болинджер 1987)? Болинджер обращал внимание на то, что при анализе языковых структур мы смещаем акцент на отдельную носительницу языка, на социальные учреждения, политические технологии или критерии нравственности и моральности порождаемых ими текстов. Но язык как система, в рамках которой отдельные носители языка, равно как и социальные институты, получают возможность говорить неправду, остается в тени (с. 27). Д. Спендер продвигает эту мысль дальше и говорит о том, что язык – структура прогрессивная, открытая и восприимчивая к социокультурным изменениям. Но поскольку мы не можем выйти за пределы языка, то любые «новые наименования систематически описывают старые убеждения, которые уже ограничены существующими правилами, и не видится выхода из данной ситуации, даже если эти правила неадекватны и ложны» (Spender 1998: 98). Спендер обозначает эту двойственность языка – даруемой свободы и одновременно ее ограниченности – как *языковую западню*: «Как только определенные категории скон-

струированы языком, мы продолжаем организовывать мир уже согласно этим категориям. Все, что не соответствует этим категориям, остается за рамками нашего понимания» (с. 96). Далее исследовательница задает вопрос о гендерной нейтральности языка и приходит к выводам о том, что язык ориентирован на мужчину и предлагает своим носителям выстраивать реальность из «мужских» значений и смыслов (Spender 1980).

Это лишь один пример «репрессивной» трактовки языка, но он указывает на то, что в основе западной гендерной лингвистики лежит совсем другое понимание языковой сущности – смысл понятия *гендер* выстраивается на основе дискурсивности языка, а дискурс всегда связан с социальными структурами, (само-)цензурой, нормативностью и т.д. То есть в той системе язык не нейтрален, а «завязан» на воспроизводство социальных иерархий, пусть через «мягкое» навязывание предпочитаемых речевых практик для девочек и женщин, например, как это раскрывает в своих трудах Р. Лакофф, или через противопоставление гендерлектов и поисков взаимопонимания между полами в работах Д. Тэннен (см., например: Lakoff 1975; Tannen 1986, 1990; др.). Вопрос в том, как совместить два столь разных подхода к пониманию сущности языка – как нейтральной и дискурсивной субстанций – в рамках одной дисциплины и при этом избежать упрощенного понимания гендерной проблематики. Приоритет нейтрального или дискурсивного понимания языка и гендера связан с тем, как исследовательницы позиционируют себя в профессиональном сообществе в профессиональном лингвистическом сообществе.

Нарочитая деполитизация исследований и усечение социальной составляющей гендера как категории анализа является своего рода цензурой, что связано с авторитетом дисциплинарного знания и пониманием того, что академия – это социальный институт, организованный по своим законам. Французский социальный теоретик П. Бурдьё рассматривает такие системные отношения с помощью категории *символического капитала* – принципа, организующего социальную ткань общества на уровне символических ценностей и статусов. Символический капитал вовлечен в отношения стратификации и доминирования между различными группами, однако эти отношения натурализованы и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся (Bourdieu 2001: 40). Принадлежность к научной дисциплине превращает исследовательское «население» этой дисциплины в профессиональную группу или класс, что, в свою очередь, придает членам этой группы символический статус, позволяет им получать социальные «дивиденды», но в обмен на это делегирует их защищать суверенитет своей дисциплинарной территории:

«Принадлежность к профессиональной группе действует как цензура, которая простирается за пределы институциональных и личных ограничений: есть вопросы, которые ты не задаешь и не можешь задавать, по-

скольку они затрагивают суть основополагающих постулатов, лежащих в основе этой дисциплины, и того, как она функционирует» (р. 9).

Другими словами, упрощенное понимание гендерной проблематики, «отсечение» тех социальных связей и опытов, которые составляют суть гендерного анализа языковых структур, могут быть связаны с тем, насколько та или иная трактовка этой заимствованной методологии может быть признана научным сообществом в качестве лингвистического исследования.

В случае если гендерные критерии языкового анализа не узнаются в качестве лингвистических, может происходить вытеснение исследования из дисциплинарной территории языкознания. Например, мое стремление объяснить, каким образом фразеология как полевая структура отражает гендерные нормы и тем самым стимулирует воспроизводство традиционной семьи (см.: Першай 2002b, 2014), получило следующую оценку профессионального сообщества белорусских лингвист_ок (здесь я привожу цитаты из отзывов на мою кандидатскую диссертацию в качестве культурного свидетельства). Одна из рецензенток написала:

«Такая работа, несомненно, представляет ценность для культуролога, этнографа, социолога, психолога... Однако имеют ли эти выводы собственно лингвистическую ценность? Можно ли считать их новаторскими для теории языка? Что нового мы узнаем из работы о языке как таковом?.. Необходимо сдвинуть акцент на изучение собственно лингвистических аспектов гендера» (Из личного архива автора, 2001).

Другая рецензентка отозвалась о работе следующим образом:

«В методе не хватает логики, точнее, эта логика не лингвистическая: автора интересует гендерная ситуация в культуре, в психологии, но не в языке, т.е. он исследует внеязыковые феномены, обращаясь к языку, а языковые данные для него – только вспомогательный материал. Это подход культуролога, а не лингвиста. Поэтому в работе есть целые абзацы, содержащие разного рода характеристики гендерных взаимоотношений, но не имеющие отношения к лингвистике» (Из личного архива автора, 2001).

Можно привести больше примеров, но смысл будет примерно тот же: специалисты, делегированные своей дисциплиной, пытаются обозначить границы «своей» дисциплинарной территории. И дело не в том, что какие-то смысловые аспекты можно условно отнести к «широкому» или «узкому» подходу к лингвистическому исследованию, фразеологии и т.д., а в том, чтобы показать, кто и на каких условиях имеет право называться лингвист_кой, а значит, имеет доступ

к ресурсам дисциплины как социального института, т.е. возможности трудоустройства в качестве лингвист_ки, публикации работ, получения исследовательских грантов и голоса в профессиональном сообществе. Интересно также, что подход и логика, которые рецензентки называют «нелингвистическими», вытекают из понимания дискурсивной сути языка, которая была заимствована вместе с западным, дискурсивным пониманием гендерной проблематики. В той системе язык выступает в роли социального агента; т.е. такой подход валиден в рамках «другого» языкознания. Вопросов не возникало там, где язык был частью нейтральной «картины мира», а исследователь проводил компаративный анализ. Отмечу, что я описываю свой опыт не в упрек коллегам, а потому, что он отражает внутреннюю динамику развития дисциплины гендерной лингвистики, так как на основании рецензий можно отследить признание и включение новых методологий.

В этом контексте важно задать вопрос о том, насколько принадлежность к профессиональной группе лингвист_ок определяет видение языка как основного предмета исследования и гендера как категории, которая привлекается для его исследования. Чем является гендер – объектом исследования или методологией? Чаще гендер понимается как объект, который в виде конкретных языковых единиц анализируется с помощью традиционных лингвистических методик, в то время как гендер как методология, которая позволяет рассмотреть дискурсивную значимость этих единиц, может восприниматься как идеологическое «наслоение», деполитизироваться и исключаться из исследования. Это, в свою очередь, обуславливает приоритет гендерных по форме и лингвистических по содержанию работ, которые пусть и не раскрывают суть гендерных проблем и отношений, зато «безопасны» с точки зрения их дисциплинарного признания.

Для меня такой компромисс достаточно проблематичен, потому что «пассивное» описание или сопоставление мужских и женских языковых единиц, может быть, и валидно с точки зрения лингвистики, но этот подход полностью упускает суть гендера как категории анализа. Такие исследования не анализируют механизмы социального нормирования и разделения, они не вскрывают суть патриархата – той системы, для деконструкции которой и была разработана категория гендера в западной лингвистике. Другая опасность таких исследований в том, что постсоветские лингвист_ки путем перечисления «типично женских» или «мужских» форм высказывания, паремий, наличия/отсутствия женских единиц и пр. в очередной раз проговаривают гетеросексистские нормы и тем самым воспроизводят существующую систему гендерной стратификации, выраженную в языке (см.: Першай 2013: 303–311; 2014: 69–72).

Выводы

Деполитизированное, «усеченное» понимание категории гендера является одной из важных причин, по которой постсоветская гендерная лингвистика не может полноценно развиваться. С. Ушакин отмечает, что гендер как заимствованная категория в постсоветской философии и социальных науках опирается на то, что пол *как таковой* существует и относительно стабилен (Ушакин 2007: 188). Другими словами, «межполовые различия» и «отношения между полами» оперируют мужчинами и женщинами как «целостными», универсальными и существующими сущностями. Гендер в лингвистике редуцируется до «культурной данности»: исследователь_ницы пишут о мужчинах и женщинах, но не принимают во внимание то, *что делает их* мужчинами и женщинами. Нарочито деполитизированная трактовка гендера ведет к «каталогизации» мужских и женских характеристик и таит опасность иного рода. Редуцированное понимание гендера, т.е. оторванное от изначального импульса социальных изменений, не нейтрально: постсоветская гендерная лингвистика ретранслирует нормы традиционного гетеронормативного общества.

Критика в адрес постсоветских лингвист_ок не звучала бы так часто, если бы гендерная лингвистика в бывшем СССР имела другую форму, например в меньшей степени оперировала гендерными терминами, которые в новом контексте не несут той нагрузки, которой от них ожидают в соответствии с их «родной» западной традицией. Гендерная проблематика, в том числе в западной гендерной лингвистике, всегда политизирована: она нацелена на социальные изменения и искоренение гендерной дискриминации, включая язык. Проблемы гендерного неравенства, сексизма, циснормативности становятся все более актуальными в бывшем СССР, а значит, их анализ востребован. Например, феминитивы, речь/язык вражды, сексистская лексика по отношению к женщинам достаточно часто и широко обсуждаются (см.: Лихачев 2015; Гапова и др. 2015; др.). А поскольку в контексте постсоветской гендерной лингвистики гендер полностью лишается своего критического потенциала и производит совсем другое знание, то ответа на насущные социальные вопросы гендерная лингвистика, как она есть сейчас, дать не может. На это обращают внимание гражданские активист_ки, занимающиеся гендерными вопросами. Например, при обсуждении внедрения небинарных языковых практик транс-активистка Я. Ситникова уточняет: «Обычно при выборе между стратегиями феминизации и нейтрализации языка учитываются исключительно лингвистические факторы, при этом не проговариваются социальные факторы» (см. в: Андреевских и др. 2017).

Для того чтобы найти выход из этой ситуации, необходимо задавать вопросы о том, какую роль играет гендерная проблематика в конкретном исследовании. Чем она обогащает конкретное исследование и т.д.? Оставив в стороне кочующие и часто никуда не ведущие тезисы о том, что гендер отражается в язы-

ковой системе и является одним из основных компонентов языка и культуры, о значимости гендера в коммуникативных стратегиях или лексике и фразеологии и т.д., необходимо разобраться с тем, какую версию гендерной теории постсоветские лингвист_ки готовы принять в свое профессиональное сообщество.

Литература

- Алпатов, В.М. Женский язык. В: *Языкознание. Энциклопедический словарь*. М.: БРЭ, 1998. С. 153.
- Андреевских, О., Першай, А., Ситникова, Я. Гендерно-нейтральный язык и небинарные идентичности: как реформировать язык? Makeout.by. 27.02.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://makeout.by/2017/02/27/genderno-neytralnyy-yazyk.html>.
- Артишевская, Т. Гендерная асимметрия в современном английском языке. В: *Женщина. Образование. Демократия*. Мат-лы 5-й междунар. науч.-практ. конф. Ред. Г.И. Шатон. Минск: Энвила, 2003. С. 366–368.
- Барт, Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Универс, 1994.
- Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая. В: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 23–43.
- Гапова, Е. Классовый вопрос постсоветского феминизма или об отвлечении угнетенных от классовой борьбы // *Гендерные исследования*. Вып. 15. 2007. С. 144–164.
- Гапова, Е. Гендерные исследования как зеркало постсоветской академии. В: *Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования*. Т. II / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 64–85.
- Гапова, Е., Воронков, В., Костерина, И., Тартаковская, И., Гусейнов, Г., Зигерт, Й. Нечаянный сексизм, или Как перенастроить язык. Фонд Генриха Бёлля. 01.04.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.boell.org/ru/2015/04/01/nechayannyy-seksizm-ili-kak-perenastroit-yazyk>.
- Гапова, Е., Усманова, А. Предисловие. В: *Антология гендерных исследований / Сост. и комментарии Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой*. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 7–11.
- Деррида, Ж. *О грамматологии*. М.: Ad Marginem, 2000.
- Добровольский, Д.О., Кирилина, А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности. В: *Гендер как интрига познания / Сост. А.В. Кирилина*. М.: Рудомино, 2000. С. 19–35.
- Здравомыслова, Е., Темкина, А. Автономизация гендерных исследований в транснациональном пространстве: феминистские практики // *Гендерные исследования*. Вып. 15. 2006. С. 77–91.
- Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. Особенности мужской и женской речи. В: *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект*. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
- Кавинкина, И. Гендерный дисплей в концептах «девочка», «мальчик». В: *Славянскія мовы, літаратуры і культуры: этнас у святле гісторыі і сучаснасці*. Зб. навук. прац / Пад рэд. С.П. Мусіенкі. Гродна: ГрДУ, 2003. С. 275–279.
- Кирилина, А.В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // *Филологические науки*. 2000. № 3. С. 18–27.

- Кирилина, А. В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах. Лекция. Летняя школа «Общество и гендер». Рязань, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina.htm>
- Коваль, В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. 217 с.
- Кронгауз, М.А. Sexus, или проблема пола в русском языке. В: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка*. М.: Индрик, 1996. С. 510–525.
- Лихачев, Н. Сам ты телочка. Электронный журнал ТЖ. 25.03.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tjournal.ru/p/meduza-rappoport>
- Лотман, Ю.М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Лотман, Ю.М. *Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах*. Т. I. Таллинн: Александра, 1992.
- Малахова, О. Гендерночутлива мова vs дискурсивні влади: актуальні питання гендерної лінгвістики в Україні // *Гендерный журнал «Я»*. 2015. № 1. С. 35–37.
- Маслова, В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001.
- Паўленка, М.А. Нарысы по беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове. Мінск: БДУ, 1978. 136 с.
- Першай, А. (а) Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР // *Гендерные исследования*. Вып. 7–8. 2002. С. 236–249.
- Першай, А. (b) Репрезентация гендерных отношений во фразеологии: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бел. гос. ун-т. Минск, 2002. 173 с.
- Першай, А. Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 178 с.
- Першай, А. Феминистская языковая реформа как ресурс белорусского национализма: частный случай «феминизации белорусского языка» // *Ab Imperio*. 2013. № 1. С. 303–327.
- Пушкарева, Н. Гендерные исследования в истории и этнологии: пока только «воображаемое»? // *Гендерные исследования*. Вып. 15. 2006. С. 165–173.
- Савкина, И. Факторы раздражения: О восприятии и обсуждении феминистской критики и гендерных исследований в русском контексте // *Новое литературное обозрение*. Вып. 86. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/579/592>
- Синельникова, Л.Н., Богданович, Г.Ю. Введение в лингвистическую гендерологию. Материалы к спецкурсу. Симферополь, 2001. 40 с.
- Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Толстой, Н.И. (а) Бинарные противопоставления типа *правый-левый, мужской-женский* // *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М.: Индрик, 1995. С. 151–166.
- Толстой Н.И. (b) Вторичная функция обрядового символа // *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М.: Индрик, 1995. С. 167–184.
- Ушакин, С. «GENDER» (НАПРОКАТ): полезная категория научной карьеры. В: *Гендерная история: pro et contra*. СПб.: Нестор, 2000. С. 34–39.
- Ушакин, С. Поле пола. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 320 с.

- Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
- Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
- Barchunova, Tatyana. The Selfish Gender, Or the Reproduction of Gender Asymmetry in Gender Studies. *Studies in Eastern European Thought*. № 55. 2003. P. 3–25.
- Bourdieu, Pierre. Practical Reason. Cambridge: Polity Press, 2001.
- Cameron, Deborah. Feminism and Linguistic Theory. New York: St. Martin's Press, 1992.
- Cameron, Deborah. Rethinking Language and Gender Studies: Some Issues for the 1990s. In: *Language and gender: Interdisciplinary perspectives*. S. Mills, ed. London & New York: Longman, 1995. P. 31–53.
- Bergvall, Victoria L., Bing, Janet M., Freed, Alice F., eds. Rethinking Language and Gender Research: Theory and Practice. London, New York: Longman, 1996.
- Cameron, Deborah, ed. The Feminist Critique of Language: A Reader. London; New York: Routledge, 1998.
- Gal, Susan. Between Speech and Silence: the Problematics of Research on Language and Gender. In: *Gender and the Crossroads of Knowledge*. M. di Leonardo, ed. Berkley: University of California Press, 1991. P. 175–203.
- Gramsci, Antonio. Selections from the Prison Books. New York: International Publishers, 1971.
- Lakoff, Robyn. Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975.
- Pershai, Alexander. Language in Woman's Place: Gender and Language Research in Post-Soviet Countries. In: *Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications*. Ö. Odağ, A. Pershai, eds. Frankfurt: Peter Lang, 2005. P. 33–46.
- Said, Edward. W. Orientalism. New York: Vintage Books, 1984.
- Spender, Dale. Man Made Language. London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1980.
- Spender, Dale. Man Made Language. In: *The Feminist Critique if Language: A Reader*. Ed. by D. Cameron. London & New York: Routledge. P. 93–99.
- Tannen, Deborah. That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. New York: Harper Collins, 1986.
- Tannen, Deborah. You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation. New York: Morrow, 1990.
- Temkina, Anna, Zdravomyslova, Elena. Doing Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Frameworks. *Studies in Eastern European Thought*. № 55. 2003. P. 51–61.